

Дороже золота

Такой была цена военного хлеба

Тысячи километров на восток от полей сражений Великой Отечественной. Под Красноярском нет противотанковых рвов. Никто не заклеивает окна полосками бумаги крест-накрест. Не нужна и светомаскировка. Вот только на улицах слишком мало мужчин, а убирать урожай в колхозах выходят почти сплошь одни женщины, дети и старики. В магазинах хлеб только по карточкам – в среднем по 500 грамм на человека. Красноярский край отдает фронту все, что может.

Там, вдали...

Какой она была – жизнь в глубоком тылу? Едва ли многим лучше, чем на передовой. Недосыпы, недоедания, работа на износ, и все – на Победу. Книг, фотографий, кадров кинохроники, посвященных этой теме, не так уж много. Уходят свидетели тех событий. Даже тем, кто родился в 41-м, сейчас уже за 70. Но они все помнят – пережитое обожгло да так и осталось ноющими шрамами в душах.

– Питались мы тогда плохо. Основным блюдом была картошка, овощи, речная рыба, часто голодали, – вспоминает **Иннокентий Попов** из Енисейского района. – Хлеб давали по 100 грамм в сутки на человека. Несмотря на то, что было трудно, дети ходили в школу. Работал даже детский сад с яслями. В школе холодно, дров на школу не давали. Света тоже не было. Вот так и учились.

Пахать женщинам приходилось от зари до зари

В Красноярске хлебные карточки появились уже 1 сентября 1941 года. Чуть позже, в ноябре, распространились по краю: Игарка, Уяр, Эвенкия... Рабочим первой категории давали 800 г в день, детям – по 400 г (в 1943 году снизили до 300). В случае утери карточка не восстанавливалась.

Система действовала в 11 городах и 12 рабочих поселках региона. В деревнях и районах, на Крайнем Севере нормы были другие: исходя из выделенных фондов. То есть как получится.

Выдержка из докладной Красноярского крайкома партии под грифом «секретно» от 13 августа 1943 года: «За последние месяцы на Красноярском ПРЗ (сейчас – электровагоноремонтный завод) в связи с низкой калорийностью питания и отсутствием должного количества требуемых витаминов в пище

Такие подводы уходили ранней осенью из каждого колхоза края

возрастает количество случаев заболеваемости дистрофией с отеком ног, лица и длительной потерей трудоспособности. Только в августе было освобождено от работы по болезни 374 человека...»

Нужно еще учесть, что в годы войны население Красноярска увеличилось вдвое. Вместе с эвакуируемыми заводами в Сибирь прибыли тысячи рабочих, инженеров. Соответственно, в несколько раз возросла и потребность города в продуктах.

Единственным местом, где можно было отовариться без карточек, стали рынки и толкучки с баснословными ценами. Осенью 1941-го килограмм говядины подскочил в цене в два с половиной раза, масло, картошка и овощи – в четыре.

– Я продавала по частям свою золотую цепочку на центральном рынке, где сейчас площадь Революции, – вспоминает красноярка **Надежда Сбитнева**. – Одно звено – одна маленькая буханка. Муж писал с фронта: «Продавай все, но чтобы ребенок к моему возвращению был жив!»

– А я помню, как бежала с детьми за полуторкой, из которой сыпался жмых. Мы его подбিরали и ели, и казалось, что ничего на свете нет вкуснее, – рассказывает ее дочь **Нина Кузнецова**.

Дни и ночи...

Казалось бы, на селе должны были жить лучше. Все-таки огород, какое-никакое личное подсобное хозяйство. Но война никого не щадит. Крестьяне (помимо колхозной нормы) передавали государству сыр, масло, яйца, мясо, шерсть. Себе оставляли крохи.

– Летом рыбу сушили (юколу делали), ягоду собирали – все шло на нужды фронта, самим добытчикам оставляли самую малость, порой всего по одной рыbine на семью

в день, – рассказывает **Евдокия Осогосток** из Эвенкии.

Даже здесь, у полярного круга, сеяли зерно, вводя в оборот все больше и больше посевных площадей: в 1941 году их было 34 га, а в 1945-м – уже 150. Но все-таки Север давал в основном лес, рыбу и пушнину. За хлеб отвечали южные районы края.

– Я за день 900 снопов связала, – вспоминает свою первую уборочную 1941 года **Анна Барашева** из Ширинского района. – Наутро подруга встала чуть свет и ушла одна на полосу. Я на час позже пришла и догнать ее не смогла. На другое утро поднялась раньше нее, связала тысячу снопов. Молчаливое вроде у нас было соревнование, а получилось наяву громкое. За нами потянулась вся наша мелкота, тоже стала соревноваться.

И так почти в каждом колхозе.

Они не стали сиротами

23 сентября 1942 года в Красноярск прибыл эшелон с детьми из Ленинграда – 1 458 ребятшек.

Из газет того времени: «На глазах у Симы и Гали Бычинских осколком снаряда убила мать. Двое суток сидели дети над ее трупом. Сима и сейчас каждый вечер просит погасить свет, «чтобы фашисты не бомбили».

К встрече детей готовился весь край. Собирали теплые вещи, игрушки. Районы отрывали от себя последнее – овощи, яйца, мед, масло – только бы поправились ма-

лыши. Когда в детприемнике, где поначалу разместили детей, сняли карантин, в него потянулись десятки красноярцев – оформлять усыновление.

3 октября 1942 года в блокадный Ленинград отправился первый эшелон с продуктами, собранными жителями края. В 60 вагонах было 250 тонн продовольствия, в том числе 3,5 тонны сдобных сухарей, полтонны варенья, 117 индивидуальных посылок, картофель и другие овощи с личных огородов и участков. Делегация наших земляков, сопровождавшая поезд, до города на Неве добиралась почти месяц и пробыла в Ленинграде 16 дней.

«Всюду нас принимали как самых близких и дорогих людей. Ленинградцы просили нас передать трудящимся Красноярского края горячую благодарность за братскую помощь», – писала в те дни руководитель делегации **Т. Мякишева**.

...Это поколение, эти люди – совсем иного склада. Они жили самыми простыми, но такими важными и вечными ценностями. Верили, любили, работали, сражались. И победили.

Андрей КУРОЧКИН

ВОСПОМИНАНИЯ

Валентина Кривоуцкая, в годы войны работница Красноярского радиозавода:

– Однажды у меня украли хлебные карточки: мою 800-граммовую и мамину. Я пришла в ужас: на весь месяц остаться без хлеба... Подошла к мастеру цеха Карлу Карловичу, плачу, а он дает мне свои талоны, говорит: «Возьми талончики, иди, покушай». Сходила я в столовую, прихожу на свое рабочее место, смотрю, а у меня на столе лежат кусочки хлеба: каждый, кто работал на линейках, отрезал от своей порции, а ведь у них тоже были се-стренки, братья. А на следующий день они, ничего не говоря, купили мне хлебную карточку.

Гликерия Леонтьева, в годы войны жившая в поселке Южно-Енисейский Мотыгинского района:

– Разрабатывали огород, раньше таким мы не занимались – незачем было. Война за-

ставила. Много картошки садили. В золотоприискском управлении нам выдавали пищевые карточки, которые мы отоваривали в сельпо. Продуктов было мало, и были они плохого качества. Соль, например, была очень темная, а не белая, как до войны. Вместо желтого растительного масла нам выдавали что-то непонятное темно-зеленое. Ходили в самодельных телогрейках из холста, набитых серой ватой. На ноги шли чирки и тапочки из старой обуви.

Наталья Рукусуева, в годы войны жившая в поселке Оскоба, Эвенкия:

– Работали в войну день и ночь. Мне 12 лет было. Помню, я так в фуфайке и спала. То рыбалка до самой шуги – для зверофермы рыбу добывали, то охота. А летом – огородные работы. Ничего без мужчин не остановилось, все сумели на своих плечах удержать.

Письма
с ФРОНТА

Идет наша Красная Армия вперед, поэтому о настроении говорить не приходится – прекрасное. Вчера перевязывала трех военнопленных, обмороженных. Такое зло брало, что таких гадких, вшивых злодеев приходится лечить. Когда слушаешь от населения (мы идем по территории, ранее занятой фашистами) и помотришь в доказательство, то кажется, стреляла бы в каждого, какой злодей попадется первым.

4 февраля 1943 года.
Екатерина Безруких, доброволец из поселка Пит-Городок Северо-Енисейского района, письма к маме